

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОПИКИ

А.А. Пауткин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; apautkin@yandex.ru*

Аннотация: Одной из характерных особенностей поэтики средневековых текстов является широкое использование традиционных словосочетаний и семантических общих мест, которые с разных позиций рассматриваются медиевистами с начала XX в. Уже в «Повести временных лет» эти элементы поэтики явлены со всей очевидностью, хотя жанровое оформление исторического повествования на этом раннем этапе еще не завершено. Неоднозначен ответ на вопрос о путях сложения корпуса топосов, круге его источников. В статье предпринята попытка проследить проникновение в древнерусское историческое повествование ряда устойчивых стилистических формул. Их следует отнести к лаконичным непоэтическим традиционным словосочетаниям, лишённым эпитетов или сравнений, придающих высказыванию определенную эмоциональность. Данный элемент воинской поэтики одновременно обладает явной терминологичностью, сформировавшейся в профессиональной дружинной среде, и имеет в своей основе определенные знаковые жесты. В работе высказывается мысль о связи подобных книжных топосов с кинетическими проявлениями. Это прежде всего жесты князей как предводителей дружин, а также иные элементы невербальной коммуникации. Рассматриваемое явление — лишь одна из сторон поэтики воинского повествования древнерусских текстов, возникшая под влиянием внелитературной действительности.

Ключевые слова: поэтика; книжная топка; воинская повесть; знаковый жест; невербальная коммуникация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-7

Для цитирования: Пауткин А.А. К проблеме формирования древнерусской книжной топки // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 112–120.

ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE OLD RUSSIAN BOOK TOPIC

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

Abstract: One of the characteristic features of the poetics of medieval texts is the widespread use of traditional phrases and semantic commonplaces, which have been considered from different positions by medievalists since the beginning of the 20th century. Already in *The Tale of Bygone Years* (the oldest Russian chronicle) these elements of poetics are clearly revealed, although the genre design of the historical narrative at this early stage is not yet completed. The answer to the question about how the body of topoi was composed and the range of its sources is ambiguous. The article attempts to trace the penetration of a number of stable stylistic formulas into the ancient Russian historical narrative. They should be classified as laconic, non-poetic traditional phrases, devoid of epithets or comparisons that give the statement a certain emotionality. This element of military poetics simultaneously has a clear terminology, formed in a professional military environment, and is based on certain iconic gestures. The work expresses the idea of a connection between such book topoi and kinetic manifestations. These are, first of all, the gestures of princes as leaders of squads, as well as other elements of nonverbal communication. The phenomenon under consideration is only one aspect of the poetics of the military narrative of ancient Russian texts, which arose under the influence of extraliterary reality.

Keywords: poetics; book topic; military story; iconic gesture; nonverbal communication

For citation: Pautkin A.A. (2024) On the Problem of the Formation of the Old Russian Book Topic. *Lomonosov Philology Journal. Series 9*, no. 2, pp. 112–120.

Средневековые тексты, как и иные стороны культуры Древней Руси, обладают значительным набором топосов. На протяжении XX в. в научной литературе их именовали по-разному: трафареты, loci communes, устойчивые словосочетания, стилистические формулы. Как известно, природа этого явления неоднородна. Так, О.В. Творогов справедливо разделял словесные константы и смысловые или композиционные стереотипные компоненты текста [Творогов 1962; Творогов 1964]. Но и среди первых, собственно стилистических формул, заметны существенные несходства. Ведь далеко не все они могут именоваться «поэтическими». Лаконизм и даже некоторая метафоричность не всегда подкрепляются наличием эпитета или сравнения.

Несмотря на длительность изучения топики, начиная с новаторских для своего времени исследований А.С. Орлова по так называемой «воинской поэтике» древнерусских исторических повествований [Орлов 1902], нет однозначного ответа на вопрос об истоках, происхождении данного элемента литературного обычая прошлого. Значительная часть работ медиевистов посвящена выявлению, систематизации и эволюции топосов воинского содержания [Пауткин 1981; Прохазка 1989; Трофимова 2017; Соколова 2021; Ивано-

ва 2021]. Мы застаем устойчивые выражения как бы уже в готовом виде. Сама воинская повесть в начальной печерской летописи еще не оформилась окончательно, а важнейшая составляющая ее поэтики весомо представлена.

Попытаемся взглянуть на конкретную часть топики воинского содержания со стороны внелитературных возможностей ее зарождения. Взгляд изнутри книжной традиции побуждает искать только сугубо литературные источники топики. Применительно к воинским формулам это переводные, светские по содержанию произведения, пришедшие на Русь в ранний период становления книжности, например «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Однако датировки славянских переводов этих важных памятников расплывчаты, а сама переводческая деятельность в данном случае выглядит своеобразным сотворчеством, изобилующим всевозможными вольностями [Мещерский 1958].

Если же предположить, что происхождение и пути проникновения стилистических формул в древнерусские тексты исторического содержания различались, то, не претендуя на всеохватность, можно попытаться объяснить природу некоторой части «непоэтических» топосов внелитературными обстоятельствами. Вспомним, что Д.С. Лихачев, характеризуя развитость устной речевой культуры Древней Руси, возводил некоторые воинские формулы к терминологии [Лихачев 1975: 41–42]. Этого нельзя исключать. Правда, в отдельных случаях подобная терминологичность безусловна. В стороне остается и механизм возникновения топоса, просто перекочевавшего из речи профессиональных дружинников в арсенал приемов монахов-летописцев.

Французский историк Ж. ле Гофф назвал средневековую культуру западной Европы «культурой жестов» [Ле Гофф 1992: 333]. На Руси стремление к символическому обобщению в литературе и искусстве сводило передачу кинетических проявлений человека к минимуму, будь то детали коммуникативного события или иные невербальные действия. И тем не менее, игнорировать роль жеста в древнерусской культуре было бы неверно. В отличие от письменной фиксации высказывания или реплики, имеющее смысл телодвижение не может быть искажено. Это зрительно воспринимаемый знак. И его учет не противоречит поэтике символического правдоподобия средневековых текстов. Однако знак необходимо верно истолковать, вскрыть его имплицитные смыслы. Этикетный жест распознается и ценится прежде всего определенной социальной группой. Таков, например, переданный в «Повести временных лет» под 946 г. поступок ребенка Святослава, бросающего копье в начале битвы с древлянами: «Вънѣ копьемъ в(ки)т(о)глакъ на древлань

и копке летѣкъъ иквози уши коневн и ѿдръ к ноги коневн къ ко велми дѣтѣкъъ» (II, 46)¹. А жест уникальный может быть неверно истолкован представителями иной культуры. Вспомним описание хитрости Василька Романовича, специально набравшего и бросающего камешки под стенами осажденного татарами Холма. Посланный для контроля насильственно организованных татарами переговоров русского князя с осажденными толмач оценивает лишь вербальную их составляющую. Жесты, противоречащие призывам сдаваться, остаются не понятыми врагом (II, 851–852). Как видим, вокруг княжеского действия подчас выстраивается целый микросюжет. Невербальная коммуникация находит свое отражение в ряде летописных текстов — можно привести и иные примеры. Опираясь на теоретические положения Г.Б. Крейдлина [Крейдлин 2002], историк Д.А. Голубовский показал значение отдельных жестов в ряде древнерусских источников [Голубовский 2008].

Уже в «Повести временных лет» под 970 г. сообщается о переговорах греков со знаменитым воителем Святославом. Летописец специально акцентирует внимание на стремлении византийцев составить свое представление о предводителе русичей по особенностям его поведения. Представители более высокой христианской культуры пытаются анализировать сложившуюся ситуацию, прибегнув к тонким приемам психологических наблюдений. Они посылают к русскому князю «мудрого мужа» с дарами. Ему предписывается следить за взором, лицом и мыслями грозного противника (II, 58). То есть опытный наблюдатель должен делать свои выводы на основе мимических и жестовых реакций Святослава на подношение. Подчеркнем, важнее слов и дипломатии оказывается невербальный аспект.

Если поэтика «готового слова» опирается на внелитературную действительность, может ли жест быть отправной точкой на пути возникновения книжного топоса? Кинетическое проявление, будучи исходно формой невербальной коммуникации, в определенный момент перестает быть конкретным ситуативным призывом, побуждением к некоему действию, обращением, приказанием, угрозой и т. д. В средневековой культуре с ее эстетикой подобию, тяготеющей к обобщению и символизации, заложены благоприятные условия для придания некоторым этикетным телодвижениям знаковой функции.

Топос, как известно, живет повторениями. Он используется для обозначения типичной, многократно возникающей жизненной

¹ Здесь и далее текст летописи цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей: Т. I, Т. II, Т. III, Т. VI.

ситуации. В случае с элементами так называемой «воинской поэтики» мы имеем дело с отражением наиболее существенных и неизменно повторяющихся событий: начало военных действий, кульминация боя, его финал, итоги и т. д. И здесь немало топосов восходит к кинетическим проявлениям. Лаконичные выражения «*кѣити на конѣ*», «*стѣпнѣи к стѣрѣнѣи*» (выступить в поход); «*нѣломити копѣи*» (начать встречный бой, которому предшествует перестрелка лучников); «*кѣзяти градъ копѣемъ*» (штурмовать город); «*кѣзяти/дѣти градъ на щитѣ*» (разорить плененный город) — являются словесным отображением своеобразного знака, подаваемого предводителем дружины, постепенно приобретающего абстрактно-обобщенный характер. Здесь нет никаких особых проявлений изобразительности, но наличествует метафорический смысл, расширяющий семантику речевого оборота. Примечательно, что две последние формулы используются и в прямой речи. «*Ты... ни копѣемъ ми еси докыль*», — укоряет партнера по переговорам обиженный князь (II, 900). Другой алчно требует серебра, иначе «*пѣкы ли я кѣзми кы на щитѣ*» (II, 417). Горожане говорят Вячеславу Владимировичу Смоленскому: «*Призори ны б(о)га яко на(с) не дѣи на щитѣ*» (то есть «поклонись», «обещай» — А.Л.; II, 292). Игорь Святославич Новгород-Северский кается в том, что «*кѣзми на щитѣ городъ Глѣковъ*» (II, 643). При этом летописец может вкладывать подобный оборот не только в уста князя, что вполне естественно. Удивительно, но он звучит и в обращении духовного лица к своим прихожанам: «*Аще и градъ нашъ плѣншеи копѣемъ козмиць...*» (II, 780). Это увещевание епископа Митрофана. Получается, топос давно вышел за рамки узкопрофессиональной среды воинов.

Словосочетание «утереть пота», обладающее особой наглядностью, знаменует, как известно, победный финал битвы или похода. Его трудно отнести к высокочастотным. И тем не менее это топос. Так, в «Повести временных лет» Ярослав «*стѣр потѣ с дружиною своєю*» (I, 146). Позднее можно встретить эту формулу уже с добавлением эпитета, например Владимир Глебович Переяславский «*стѣрѣтъ мѣжетѣного потѣ своего за очиниѣ свои*» (II, 647). И хотя в первом случае упомянута дружина, все-таки сам жест окончания ратных трудов — княжеский, он приписывается конкретному предводителю. В тексте XVI в., «Казанской истории», можно наблюдать интересный пример эволюции топоса, где выражение применено к Ивану IV: «*И тако сѣд на престолѣ своем великаго царствѣ Рѣскаго, правя скипетръ державы своея, стѣр кровавый потъ свои...*» [Памятники литературы Древней Руси 1985: 560].

В новгородских текстах военные описания часто завершаются другой формулой: «*Придоша здравки вси*» (напр. III, 53). Она, безуслов-

но, связана с иной ролью князя на севере Руси. Как тут не вспомнить столь характерную для новгородских летописцев формулу «не хочемъ чѣкѣ понди клямо хочѣши» (напр. III, 60). И это еще не самый резкий по звучанию топос. Пожалуй, эта же севернорусская традиция ска- зывается и в обезличивании жеста или знакового телодвижения. Его совершает не предводитель, а все участники боя.

В свое время А.С. Орлов отнес к топосам фразу: «Рѹкми живыхъ понмиша» (VI, вып. 2: 196) [Орлов 1902: 4]. Это тоже финал битвы. Столь же показательна и фраза, демонстрирующая изнеможение победителей: «Не могѹще ни рѹкою двинѹти, ни же глакъ окрѹтити» (VI, вып. 2: 206), на которую тоже обратил внимание Орлов [Орлов 1902, 26–27]. Он сравнивал это выражение с встречающимся в повествовании Нестора Искандера иным выражением смертельной усталости. Заметим, что даже такая архаическая формула, как «Дла- ри имѣ о зѣмлю», неоднократно встречающаяся в «Повести времен- ных лет» в различных комбинациях построения фразы, несмотря на свой фольклоризм, указывает на скоротечное действие участни- ка поединка (юноша кожемяка, одолевший могучего печенежина, или Мстислав Владимирович в поединке с Редедей).

Не всякий, даже весьма выразительный, жест или, как писал А.С. Орлов, «простое физическое действие» [Орлов 1902: 4], будучи вербализованным, превращается в топос. Таких формул не так уж много. Вот, например, сцена прощания великой княгини Евдокии с Дмитрием Ивановичем в «Сказании о Мамаевом побоище»: она плачет «приложивъ рѹцѣкъ скон къ персеи» [Памятники литературы Древней Руси 1981: 152]. Этот оборот не станет частотным, как и в чем-то сходный из «Слова о житии и преставлении Дмитрия Ивановича»: «персеи скон рѹкми къюши». Иное дело — жест моления («воздѣвъ рѹцѣкъ на неко» — напр. II, 916), нередко соотносимый в ле- тописных некрологах и агиографии с внутренней монологической речью. О.Ю. Клаутова называет данное словосочетание фиксацией «канонических жестов» [Клаутова 1993: 265], которые можно не- редко наблюдать и в иконописи. Они, по мнению исследовательницы, обладают «вневременным» и «внепространственным» качеством. Правда, всякий стилистический топос по самой своей природе лишен пространственно-временных параметров, универсален в этом качестве.

В Новгородской I летописи читается единичное в своем роде словосочетание, образованное по стандартной модели. Оно близко к уже упоминавшемуся топосу «взять градъ на щит», но имеет иной смысл: «Вѣда на щитѣ» (III, 28). Так лаконично обозначено бездей- ствие, сдержанное поведение переяславцев, наблюдающих проис- ходящее со стороны. Это словосочетание тоже не получило даль-

нейшего распространения в книжной традиции. Вероятно, положенная в его основу ситуация — явление редкое, и потому подобное обозначение вооруженного нейтралитета не стало востребованным летописцами в дальнейшем.

В заключение отметим: судя по всему, данный вид топосов, входящих к статусным, многократно повторяющимся жестам, имел в арсенале древнерусских книжников скорее практическое, инструментальное предназначение. Для придания описанию событий эмоциональности служили другие элементы традиционной поэтики. Поэтические формулы продержатся на страницах исторических повествований вплоть до XVII столетия, когда дадут о себе знать первые черты индивидуальных авторских стилей. А рассмотренные топосы, вызванные к жизни жестом/телодвижением, постепенно утрачивают свою актуальность и влияние. Этому способствовали социально-исторические процессы, перемены в самой внелитературной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голубовский Д.А.* Семантика поклонов и поцелуев в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике // *Славяноведение*. 2008. № 5. С. 50–61.
2. *Иванова Т.Г.* Трансформация топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков // *Русская литература*. 2021. № 4. С. 77–89.
3. *Клаутова О.Ю.* Жест в древнерусской литературе и иконописи XI–XIII вв. К постановке вопроса // *ТОДРЛ*, Т. XLVI, 1993. С. 256–269.
4. *Крейдлин Г.Б.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
5. *Ле Гофф Ж.* Культура средневекового Запада. М., 1992.
6. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.
7. *Мещерский Н.А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
8. *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
9. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
10. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.
11. *Пауткин А.А.* Батальные описания «Повести временных лет» (своеобразие и разновидности) // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. 9. Филология. М., 1981. № 5. С. 13–21.
12. Полное собрание русских летописей:
Т. I Лаврентьевская летопись. М., 1997; Т. II Ипатьевская летопись. М., 1998.
Т. III Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
Т. VI. Вып. I. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
13. *Прохазка Е.А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // *ТОДРЛ*. Т. XLII, 1989. С. 228–240.
14. *Соколова Л.В.* Топос «стояние на костях» в древнерусских повествованиях о битвах // *Проблемы исторической поэтики*. 2021. Т. 19. № 4. С. 105–148.

15. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ, М.; Л. Т. XVIII, Изд-во АН СССР, 1962. С. 277–284.
16. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ, 1964. Т. XX. С. 29–41.
17. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М., 2017.

REFERENCES

1. Golubovsky D.A. *Semantika poklonov i potseluev v «Povesti vremennykh let» i Kievo – Pecherskom paterike* [Semantics of bows and kisses in the “Tale of Bygone Years” and the Kiev–Pechersk paterik]. *Slavjanovedenie*. [Slavonic studies], 2008, No. 5, pp. 50–61. (In Russ.)
2. Ivanova T.G. *Transformatsiya toposa «bitva kak pir» v istoricheskikh pesnyakh XVIII – XIX vekov* [Transformation of the battle as a feast topos in historical songs of the 18–19 centuries]. *Russkaja literature*. [Russian Literature], 2021, No. 4, pp. 77–89. (In Russ.)
3. Klautova O.Yu. *Zhest v drevnerusskoi literature i ikonopisi XI — XIII vv. K postanovke voprosa* [Gesture in ancient Russian literature and iconography of the XI–XIII centuries. To the formulation of the question]. *TODRL*, 1993, T. XLVI, pp. 256–269. (In Russ.)
4. Kreidlin G.B. *Neverbal'naja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2002. 592 p.
5. Le Goff J. *Kul'tura srednevekovogo Zapada* [Culture of the medieval West]. Moscow, *Progress Publ.*, 1992. 376 p.
6. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnei Rusi* [Great Heritage. Classical works of literature of Ancient Russia]. Moscow, *Sovremennik Publ.*, 1975. 367 p.
7. Meshchersky N.A. *Istoriya iudeiskoi voiny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode* [The History of the Jewish War of Josephus in the Old Russian translation]. Moscow, Leningrad, *Akad. nauk SSSR Publ. [Leningr. otd-nie]*, 1958. 578 p.
8. Orlov A.S. *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaya XVII v.)* [About the peculiarities of the form of Russian military stories (ending the XVII century)]. Moscow, *Izdanie Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete*, 1902. 51 p.
9. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XIV — seredina XV veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. XIV — the middle of the XV cent.]. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura Publ.*, 1981. 606 p.
10. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Seredina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. The middle of the XVI century]. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura Publ.*, 1985.
11. Pautkin A.A. *Batal'nye opisaniya «Povesti vremennykh let» (svoeobrazie i raznovidnosti)* [Battle descriptions of the “Tale of bygone years” (originality and varieties)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologija*. [Lomonosov Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology], 1981. No. 5, pp. 13–21. (In Russ.)
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of Russian Chronicles]: Vol. I. *Lavrent'evskaya letopis'* [Lavrentievskaya Chronicle]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 1997. 496 p
Vol. II *Ipat'evskaya letopis'* [Ipatievskaya chronicle]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 1998. 648 p.

- Vol. III. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [Novgorod first chronicle of the elder and younger izvod]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 2000. 720 p.
- Vol. VI Issue I. *Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda* [Sofia first Chronicle of the elder izvod]. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 2000. 312 p.
13. Prokhaska E.A. *O roli «obshchikh mest» v opredelenii zhanra drevnerusskikh voinskikh povestei* [On the role of “common places” in determining the genre of Old Russian military stories]. *TODRL*. T. XLII, 1989, pp. 228–240. (In Russ.)
 14. Sokolova L.V. *Topos «stoyanie na kostyakh» v drevnerusskikh povestvovaniyakh o bitvakh* [Topos “standing on bones” in Old Russian narratives about battles]. *Problemy istoricheskoy pojetiki*. [Problems of historical poetics]. 2021. Vol. 19. No. 4, pp. 105–148. (In Russ.)
 15. Tvorogov O.V. *Traditsionnye ustoichivye slovosochetaniya v «Povesti vremennykh let»* [Traditional stable phrases in the “Tale of bygone years”]. *TODRL*, Vol. XVIII, 1962, pp. 277–284. (In Russ.)
 16. Tvorogov O.V. *Zadachi izucheniya ustoichivykh literaturnykh formul Drevnei Rusi* [Problems of studying stable literary formulas of Ancient Russia]. *TODRL*, 1964. Vol. XX, pp. 29–41. (In Russ.)
 17. Trofimova N.V. *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya* [Poetics of the Old Russian military narrative]. Moscow, *MPSU Publ.*, 2017. 276 p.

Поступила в редакцию 08.10.2023

Принята к публикации 10.12.2023

Отредактирована 10.01.2024

Received 08.10.2023

Accepted 10.12.2023

Revised 10.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru